

УДК 398.21(=161.1)-93
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Ф59

Оформление серии «Яркие страницы.
Коллекционные издания» *Степана Костецкого*

Иллюстрация на обложку в серии «Яркие страницы.
Коллекционные издания» *Милены Лосенко*

Оформление серии «Магистраль.
Дети» и дизайн обложки *Анастасии Зининой*

Ф59 **Финист** — Ясный сокол : русские народные сказки. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204287-4
(Яркие страницы. Коллекционные издания)
ISBN 978-5-04-204815-9
(Магистраль. Дети)

Сказки на Руси писали, чтобы доступно детям рассказать об опасностях взрослого мира, научить их дружить и выражать свою любовь, хранить верность своим убеждениям и совершать добрые смелые поступки. Народные сказки в прошлом играли ту же роль, что интернет для нас сейчас, поэтому они не только интересны и поучительны, но могут стать небольшим экскурсом в нашу историю. Все самые любимые русские народные сказки в нашей подборке:

- О волшебстве и сказочных персонажах
- О людях
- О животных

Полные тексты сказок по сборникам Афанасьева А.Н. и Полевого П.Н.

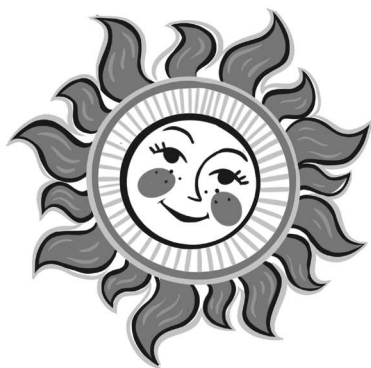
УДК 398.21(=161.1)-93
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-04-204287-4
(Яркие страницы. Коллекционные издания)
ISBN 978-5-04-204815-9
(Магистраль. Дети)

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

«В некотором царстве...»

волшебные сказки

ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Старик-вдовец жил с тремя дочерьми: большая и средняя щеголихи были, а меньшая только о хозяйстве радела, хоть и была собой такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит: «Ну, дочери мои любезные, приказывайте, чего вам купить на ярмарке». Старшая просит: «Купи мне, батюшка, платье новое». Средняя говорит: «Купи мне, батюшка, шёлковый платочек». А меньшая просит: «Купи мне, батюшка, аленький цветик». Поехал старик на ярмарку, купил старшей дочери платье новое, средней — шёлковый платочек, а цветика аленького во всем городе не нашёл. Уж на самом выезде попадается ему незнакомый старичок, несёт в руках аленький цветик. Обрадовался наш старик, просит встречного: «Продай мне, старинушка, твой аленький цветик!» Отвечает ему встречный старик: «Цветик у меня не продажный, а заветный: цены ему нет и не положено — и я тебе его даром отдам, коли ты мне младшую дочь за моего сына высватаешь».

— А кто же твой сын-то, старинушка? — А сын мой удал добрый молодец, Финист — Ясный сокол, днём под облаками

в небе витает, ночью на землю красавцем слетает.

Призадумался наш мужик: не взять цветика — дочку огорчить, а взять — Бог весть за кого придётся замуж отдать! Подумал, подумал, да таки взял цветик; пришло ему в голову, что коли присватается к его дочке Финист — Ясный сокол, да не хорош покажется, так и отказать можно. И только подал ему встречный старик свой аленький цветик, так и пропал у него из глаз, словно и навстречу ему не попадался.

Почесал старик в голове и ещё крепче задумался: «Нечисто дело!» И как приехал домой, отдал старшим дочерям обновы, а меньшей отдаёт аленький цветик и говорит: «Не люб мне твой цветочек, доченька милая, больно не люб!»

— Чем он тебя прогневал, батюшка?

А отец и шепчет ей на ухо: «Цветочек-то этот заветный, цены ему нет, и на деньги его не купить было мне — просватал я тебя встречному старику за его сына, Финиста — Ясна сокола». И рассказал ей всё, что старик о своём сыне ему говорил.

— Не печалься, батюшка! — говорит дочка. — Не суди за глаза моего суженого, авось прилетит — нам полюбится.

И заперлась дочка-красавица в своей светёлке, опустила в воду аленький цве-

тик, отворила окно да и смотрит в синюю даль. Чуть солнце за лес село, откуда ни возьмись взвился перед её окошечком Финист — Ясный сокол, цветные пёрышки, опустился на причилинку, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал добрым молодцем. Испугалась было девушка, чуть-чуть не вскрикнула... да добрый молодец ласково взял её за руку, ласково глянул ей в очи, и говорит: «Не бойся меня, моя суженая! Я к тебе до свадьбы каждый вечер летать стану: как ты поставишь на окно аленький цветик, так я и буду к тебе являться. Да вот тебе пёрышко из моего крылышка: чего бы ты ни пожелала, только выйди на крылечко да махни перышком — вмиг всё перед тобою явится!»

Поцеловал Финист — Ясный сокол свою невесту и опять в окно выпорхнул. И больно он девушке приглянулся, и стала она с той поры каждый вечер ставить на окно аленький цветик — и, бывало, только поставит, тотчас и спустится к ней удал добрый молодец, Финист — Ясный сокол.

Так прошла вся неделя, пришло воскресенье. Старшие сёстры стали к обедне собираться, в свои обновы наряжаться и смеются над младшей: «А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету!» Та отвечает: «Ничего, я нынче и дома останусь!»

А сама выждала время, вышла на крылечко, махнула цветным пёрышком в правую сторону, и — откуда ни возьмись — явилась перед ней и карета хрустальная, и кони заводские, и прислуга в галунах золотых, и на ней самой парчовое платье и уборы камней самоцветных. Села в карету красная девица, поехала к церкви.

Как вошла в церковь, так все на неё засмотрелись — и её красоте, и нарядам бесценным дивуются. «Видно, царевна какая-нибудь к нам в церковь пожаловала», — между собой говорят люди добрые.

Как обедня к концу — красавица наша села в карету и домой укатила, подъехала к крылечку, махнула цветным пёрышком в левую сторону: миг и карета с прислугой, и наряды богатые — всё из глаз пропало. Пришли домой сёстры, видят, она сидит под окошком, как прежде.

— Ну, сестрица, — говорят они, — что-за красавица нынче была у обедни — просто загляденье, ни в сказке сказать, ни пером написать!

Прошло ещё две недели, ещё два воскресенья — красная девица знай морочит по-прежнему всех: и сестёр, и отца, и весь люд православный! Да в последний раз, как стала она с себя наряды снимать, позабыла вынуть из косы алмазную булавку. Приходят из церкви стар-

шие сёстры, стали ей сказывать про царевну-красавицу, да как взглянули к ней на косу, так в один голос и вскрикнули: «Ах, сестрица! Что это у тебя?»

Красная девица ахнула и убежала в свою светёлку. И стали с той поры за девицей сёстры присматривать, стали у её светёлки по ночам подслушивать, и выследили, высмотрели, как на заре с её окошечка вспорхнул Финист — Ясный сокол, цветные пёрышки, и скрылся за тёмным лесом. И задумали сёстры недоброе: под вечер насыпали они на окно сестриной светёлки битых стёкол, натыкали острых игл и ножей, чтобы Финист — Ясный сокол, как станет на то окно спускаться, накололся о те ножи... И прилетел ночью Финист — Ясный сокол, бился, бился, не мог опуститься на окошечко, только ноженьки себе поколол да крылышки порезал. И запечалился Ясный сокол, вспорхнул и вскричал красной девице: «Прощай, красная девица, прощай, моя суженая! Не видать тебе меня больше в твоей светёлке! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве. Далёк туда путь: башмаки железные износишь, посох чугунный изломаешь, каменную просфору¹ изложешь прежде, чем найдёшь меня, добра молодца!»

¹ Хлеб.

А на девицу тем временем тяжкий сон напал: слышит она сквозь сон эти речи, не может пробудиться. Проснулась под утро, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула бедняжка руками, заплакала: «Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» В тот же час собралась она и ушла из дому — искать по белу свету своего друга милого, Финиста — Ясна сокола.

Шла-шла девица частым дремучим лесом, шла болотами ржавыми, шла пустынями бесплодными, наконец пришла к какой-то избушечке. Постучалась в окошечко, примолвила: «Хозяин с хозяйской! Укройте меня, девицу, от тёмной ночи!» Вышла на порог старушка: «Милости просим, красная девица! Куда идёшь, голубушка?»

— Ах, бабушка, ищу своего милого, Финиста — Ясна сокола! Не укажешь ли мне, где его найти?

— Нет, я этого и сама не знаю, а вот ступай-ка ты к моей средней сестре: она тебя добру научит. А чтобы ты с пути не сбивалась, так вот тебе клубочек — куда он покатится, туда путь держи!

Ночевала у старушки красна-девица, а наутро, как ей уходить, подарила ей старуха подарочек: вот, говорит, тебе серебряное донце, золотое веретёнце,

станешь кудель прясть, золотая нитка потянется, придёт время, мой подарочек пригодится тебе. Сказала ей девица «спасибо» и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к другой избушке. Постучалась девица, впустила её другая старушка, опросила девицу и сказала ей: «Далеко же тебе, милая, идти остаётся, да нелегко и сыскать твоего суженого будет. Да вот, как придёшь к старшей сестре, та тебе лучше моего скажет. А от меня вот тебе на дорогу подарочек: серебряное блюдечко да золотое яблочко. Придёт время — пригодятся тебе».

Опять ночь ночевала девица и пошла дальше за клубочком. Идёт лесом всё дальше и дальше, а лес-то всё чернее и гуще, верхушками в самое небо вьётся. Прикатился клубочек к третьей избушке, вышла к девице на порог старушка, вызвала красную девицу от тёмной ночи укрыть. Рассказала ей девица, куда она идёт и чего ищет.

— Плохо твоё дело, дитяtko! — сказала ей старушка. — Твой Финист — Ясный сокол присватался к заморской царевне, скоро жениться собирается... Как выйдешь ты из лесу на берег синя моря, сядь на камешек, возьми серебряное донце, золотое веретёнце, сиди да пряди, выйдет к тебе невеста Финиста —

Ясна сокола, станет у тебя то веретёнце покупать — ты за него никаких денег не бери, только проси повидать Финиста — Ясна сокола, цветные пёрышки.

Пошла девица дальше, а лес-то всё реже да реже — а вот и синее море — широкое-раздольное — разлилось перед нею, а там вдали, над взморьем, как жар, загорелись маковки золочёные на теремах белокаменных. «Знать, это и есть царство моего суженого, что там далеко виднеется!» — подумала девица красная, села на камешек, взяла серебряное донце, золотое веретёнце, стала на нём кудель прясть — золотую нитку из неё вытягивать.

И вдруг видит она, идёт к ней по берегу какая-то царевна, с мамками, с няньками, с верными служанками, подошла к ней, на работу её загляделась, и ну торговать у неё серебряное донце с золотым веретёнцем.

— Я тебе, царевна, даром свою работу отдам, только дай мне посмотреть на твоего суженого, на Финиста — Ясна сокола!

Долго не соглашалась царевна, а потом и сказала: «Ну, да вот как он ляжет отдыхать после обеда, так, пожалуй, ступай к нему в горницу, мух отгонять». И взяла она у девицы серебряное донце, золотое веретёнце, пошла в свой терем,

опоила Финиста за столом сонным зельем и пустила к нему девицу, когда его непробудный сон одолел.

Сидит девица у его изголовья, а сама слезами, как река, разливается.

— Проснись, пробудись, Финист — Ясный сокол! — говорит она милому. — Издалека я к тебе, красна девица, пришла — железные башмаки истоптала, чугунный посох изломала, каменную просфору изглодала, всё тебя, милого, искала!

А Финист спит, не чувствует, как над ним девица убивается-плачет... Тут вскоре и царевна вошла, красной девице выйти приказала, Финиста — Ясна сокола разбудила.

— Долго я спал, — говорит ей суженый, — и всё-то мне чужилось, что здесь кто-то был, всё надо мной плакал да причитывал...

— Видно тебе во сне это почудилось, — сказала царевна, — я сама всё здесь сидела — мухе прилететь к тебе не дала.

На другой день сидит опять девица на взморье, держит в руках серебряное блюдечко, катает по нему золотым яблочком. Вышла царевна гулять, опять к ней подошла, увидала и просит: «Продай мне свою забаву!»

— Забава у меня не продажная, заветная, дай мне ещё раз на Финиста —

Ясна сокола поглядеть, так я тебе её даром отдам!»

— Пожалуй, ступай опять по-вчерашнему с моего суженого мух отгонять.

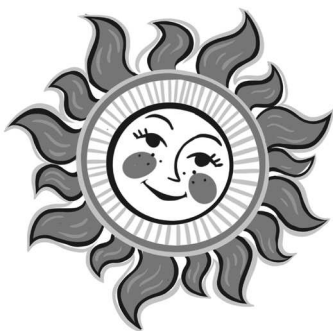
И опять опоила Финиста сонным зельем и пустила красную девицу к его изголовью. Стала над милым красна-девица плакать, и вдруг капнула ему на щеку из очей её горячая слеза... Очнулся от тяжкого сна Финист — Ясный сокол, говорит: «Ах, что это меня обожгло?»

— Милый, желанный, — говорит ему девица, — издалека к тебе девица пришла, железные башмаки истоптала, чугуновый посох изломала, каменную просфору изглодала и всё тебя, милого, искала! Второй день я, девица, над тобою сокрушаюсь, а ты спишь, не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!

Тут только узнал свою милую Финист — Ясный сокол и так обрадовался, что и сказать нельзя. А девица ему рассказала всё, как было: как позавидовали ей злые сёстры, как она странствовала, и как его царевна на забавы меняла. Полюбилась она Финисту лучше прежнего, поцеловал он её в уста сахарные и велел, не мешкая, в колокол ударить, собрать на площадь бояр и князей и всякого чина людей. И стал он у них спрашивать: «Люди добрые, скажите мне, раскиньте умом-разумом: которую невесту

мне в жены брать, с которой век коротать — с той ли, которая меня продавала, или с той, которая выкупала?» И решили в один голос люди добрые: «Взять тебе ту, которая тебя выкупала».

Так и сделал Финист — Ясный сокол, цветные пёрышки. Обвенчали его в тот же день с красной девицей. Свадьба была весёлая, шумная, богатая! На той свадьбе и я был, мёд-вино пил, а больше того через край лил: кажись, по усам текло, а во рту словно не бывало!

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею. У него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь».

Пустил стрелу старший брат — упала на боярский двор, прямо против девичьего терема; пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил стрелу младший брат — и попала та стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакушка.

Говорит отцу Иван-царевич: «Как мне за себя квакушку взять? Квакушка не ровня мне!»

— Бери! — отвечает царь. — Знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жёны ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу».

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягушка. — Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать, утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать, да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я у родного моего батюшки».

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакушки хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям: «Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру».

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.